

МОСКОВСКИЕ ВЕЩАТЕЛИ 2006-2007 гг.

Не волнуйтесь, она такая славная, — сказал мне переводчик Владимир Григорьев. Она первая поздоровалась, не дожидаясь, пока я ее разгляжу среди блеска гостиницы “Мариотт-Аврора”, и первая улыбнулась.

Она улыбалась весь разговор — ободряюще и легко, — она не делала одолжения, ей это нравилось. Да и видя ее на экране, понимаешь: ей это нравится. Кажется, что у нее все получается легко, она купается в наслаждении от того, что делает, она даже двигается по экрану — легко. Что в самых первых своих фильмах — мы узнавали ее вместе с Трюффо (Франсуа Трюффо открыл Натали Бай, мы открыли Натали Бай одновременно с Франсуа Трюффо), что в последних — “Салон красоты “Венера” (лучший фильм “Сезара-2000”), “Порнографическая связь” (приз за лучшую женскую роль на прошлогоднем Венецианском кинофестивале).

Мы ждали ее и с тем и с другим фильмом, записывались на интервью, но она приехала сейчас — на фестиваль “Французское кино сегодня” — с очень странной в ее кинокарьере картиной — народной комедией “Распутницы”. В ней она, легкая, стала уже легкомысленной. Я вышла из зала не просто расстроенная — злая, поняв, что не смогу не задать вопрос: зачем? Зачем ей это глупое кино понадобилось — этакая карикатура на саму себя. Но, увидев ее, вопрос не выдержал и сломался, пафос потух.

МАРИОТТ ГОСТИНЬЕ

НАСТОЯЩАЯ

Кадр из фильма “Распутницы”

ФРАНЦУЖЕНКА ЖИВЕТ ОДНА

— Вы так прекрасно выглядите в жизни, и вы позволили себе сняться в комедии “Распутницы” (только что вышедшей на наши экраны) в роли преувеличенно молодой дамки, возраст которой намеренно подчеркивается — искусственными морщинами на сильно напудренном лице, вечно растрепанной прической из плохо покрашенных волос. Зачем? Почему?

— Я считаю, что самое главное в нашей профессии — находить роли, которые позволяют раскрыться со всех сторон. И чем больше истинное расстояние между твоей сущностью и ролью, которую ты играешь, тем интереснее играть — именно поэтому я согласилась на “Распутниц”.

— Но вы начинали у серьезного режиссера — Франсуа Трюффо — и продолжали потом играть у него, у Марко Феррери, Бертрана Блие, Жан-Люка Годара, других серьезных режиссеров, а теперь — народная комедия “Распутницы”? С чем связан такой выбор или все получилось случайно?

— Когда я начинала в студенческих спектаклях, то играла как раз роли из классических комедий Мольера и других французских классиков комедии. И я всегда стремилась к тому, чтобы играть комедийные роли. В некотором смысле можно сказать, что я стала жертвой своего ампула, несмотря на то что я вообще не планировала сниматься в комедии, и мне очень понравилось. После “Распутниц” я снялась еще в одной драматической роли, теперь ищу новую комедию.

— Часто ли вам приходилось, как для фильма “Салон красоты “Венера”, осваивать еще какую-то профессию? Режиссер “Салона” Тони Маршалл рассказывала, что вы окончили курсы косметологии.

— Да, действительно, мне пришлось пройти обучение в салоне красоты. Самое главное — правильно выучить жесты, потому что жесты создают образ. Я много неприятностей доставила ассистентам, которые работали на фильме, — одной из дам сняла волосы не в том направлении, испортила ей всю кожу, но... приходится с этим мириться. (Смеется.) Потом в конце концов я делала все как надо.

— А какие профессии еще вы изучили?

Кадр из фильма “Порнографическая связь”

Натали Бай: “Я люблю страстных людей”

— Например, для фильма Бертрана Тавернье “Неделя отпуска” мне пришлось познакомиться с профессией преподавателя. (Сама я школу оставила в довольно юном возрасте, потому что плохо училась, и поступила в танцевальное училище.) Чтобы сжиться с ролью преподавателя, я посещала уроки, общалась с педагогами и пришла к выводу, что не существует единого образа, но все-таки чему-то я научилась. И для фильма “Доносчик”, где я исполняла роль проститутки (не знаю, показывали ли его в России?), я вместе с полицейскими ездила по тем местам, где стоят проститутки, разговаривала с ними, пытаясь понять их и вжиться в свой образ.

— Вы упомянули, что рано покинули школу...

— Мне часто задают вопрос, чем я занималась в молодости, особенно в связи с моим последним фильмом “Распутницы”, где мы играем двух старых хиппи, которые воевали на баррикадах 1968 года. Нет, я там, естественно, не сражалась, мне хватило того, что мои родители сделали революцию. Они сами из буржуазной среды, но отказались от нее, став вольными художниками, и жили довольно-таки нуждаясь — профессия их не кормила. Я провела с ними детство — частично в Париже, частично на юге Франции. Школу я оставила, по-

тому что страдала дислексией, и мне было очень трудно учиться. Но родители не давили на меня, не заставляли — позволили в 14 лет уйти из школы в танцевальное училище, где я очень серьезно занялась классическим танцем. Я, конечно, продолжила обучение в школе — заочно, что фактически означает отсутствие образования.

— Вы танцуете до сих пор?

— Я танцую, но только для себя: дело в том, что если ты когда-то серьезно занимался танцем, его нельзя оставить уже их-за привычки, навыков — если я сейчас брошу заниматься, то даже физически буду плохо себя ощущать.

— Это чувствуется в ваших фильмах — пластика, движения.

— Это замечательная профессия, и она очень организует личность. Я уверена: если бы я не занималась классическим танцем, то моя театральная жизнь и кинокарьера могли бы пойти совершенно по другому пути. Танец очень дисциплинирует человека.

— Скажите, с кем вы разбираете роли — с партнерами, режиссерами, советуетесь с близкими? Чье мнение для вас наиболее авторитетно — режиссера, кого-то из друзей или свое собственное?

— Очень большую роль играет режиссер — если он достаточно умный и достаточ-

но питает меня информацией об образе, я довольствуюсь тем, что много обсуждаю роль с ним. Сейчас же в моем окружении есть один или два близких человека, с которыми я стараюсь обсуждать (в последнее время особенно) свои роли. Но если говорить, как я работаю над образом, то обычно это происходит следующим образом — где-то примерно полгода я не делаю абсолютно ничего, то есть я прочитала сценарий и все, я хожу с ним в голову. А когда остается совсем немного времени, я запираюсь в каком-то помещении — в одной из комнат своего дома — и погружаюсь. Я не смогу объяснить, как и что, но я делаю определенный набор каких-то необъяснимых действий — вот это я и называю погружением, подготовкой к роли.

— Другой ваш триумфальный фильм “Порнографическая связь” — у героев нет истории, нет имен, они встречаются в кафе и идут в гостиницу (они нашли друг друга по объявлению в порногазете, их объединила некая сексуальная фантазия), и зритель должен сам все домысливать — кто они, что делают. А вы придумали какую-то историю своей героине?

— Когда мы готовились к фильму — я, Сержи Лопес — мой партнер — и режиссер Фредерик Фонтен, — мы пытались как-то осмыслить и придумать их историю. Но в конце концов пришли к выводу, что никакой истории не существует, все только на уровне подсознания как самих актеров, так и зрителей. Именно в этом и заключается очарование фильма, поскольку там настолько классно прописаны диалоги и настолько классно поставлены сцены, в которых диалоги исполнены, что больше ничего и не надо.

СПРАВКА “МК”. Натали Бай родилась 6 июля 1948 года. Посещала балетные классы в Монте-Карло и Америке, изучала актерское искусство в Парижской консерватории. Стала знаменита уже после своего второго фильма — “Американская ночь” (1973) Франсуа Трюффо. Сыграла еще в нескольких его фильмах — “Мужчина, любивший женщин” (1977), “Зеленая комната” (1978). Особенно удачным был последний, где Натали Бай и сам Франсуа Трюффо исполнили главные роли. Уже к концу семидесятых Натали Бай считалась одной из ведущих актрис Франции. Другие ее наиболее известные у нас фильмы: “Последняя женщина” (1976), реж. Марко Феррери; “Неделя отпуска” (1981), реж. Бертран Тавернье; “Спасайся, кто может” (1982), реж. Жан-Люк Годар; “Возвращение Мартена Герра” (1982), реж. Даниэль Винь; “Доносчик” (1982), реж. Боб Свэм; “Наша история” (1984), реж. Бертран Блие; “Детектив” (1984), реж. Жан-Люк Годар. Из последних ее ролей особенным успехом пользуются “Салон красоты “Венера” (1999), реж. Тони Маршалл и “Порнографическая связь” (1999), реж. Фредерик Фонтен.

— Вас в России часто называют эталоном настоящей французки, так какая она — настоящая французка? Как ни удивительно, Натали смущается, смеется:

— Очень трудно ответить на ваш вопрос, и боюсь, что не смогу полностью удовлетворить вас ответом. Сейчас мы живем в эпоху большой униформизации: куда бы вы ни приехали — в Москву, Лондон, Париж, Токио, — вы увидите примерно одинаковых женщин — почти одинаково одетых, настолько же самостоятельных, раскрепощенных, освобожденных от многих комплексов... Конечно, можно сказать, что основными чертами французской женщины является довольно высокая степень свободы и самостоятельность. Французка — женщина, которая на многое способна, а с другой стороны — хочет оставлять и женственной и выполнять свои чисто женские обязанности. И я надеюсь, что женщина и, в частности, французская женщина, и в дальнейшем не потеряет своей женственности и, самое главное, — не будет пытаться составить конкуренцию мужчине.

— Если говорить о свободе, что вас может смутить — что вы никогда не станете делать на съемочной площадке (я не говорю о сексе)?

После недолгого раздумья, серьезно и решительно:

— В принципе, если не говорить о том, что вы сказали, я не люблю делать пустых вещей. И, сразу хочу сказать, есть еще одно, что я всегда требую, чтобы выполняли, — я не люблю лишних людей на съемочной площадке. Я не люблю зевак — это не театральная сцена, зрители здесь не подразумеваются, тут место нашей работы.

— А что вы имеете в виду под пустой работой?

— Мне довольно часто встречалось такое — сами понимаете, кино — вещь коммерческая и нужно зарабатывать деньги (в наши времена снять хороший фильм — удовольствие достаточно дорогое), поэтому время от времени на режиссеров накатывает. То есть они могут для пущей “красоты” предложить то, что не вяжется ни с сюжетом, ни с духом персонажа, ни со стилем картины. Не со мной было, но я знаю такой случай — режиссер попросил актрису: “Слушай, а может, тебе здесь грудь обнажить?” Ни с того ни с сего. Понятно, что это привлекательно для зрителя, особенно если грудь симпатичная. Не могу дать примера из своей карьеры, но когда такие мелочи случаются, я их не люблю. Несмотря на то что на съемочной площадке я не зануда и соглашаюсь со многим — я не требовательна и всегда открыта к предложениям, но не такого рода.

— На днях один из ваших партнеров — Ален Делон (“Наша история”) — дал в Париже пресс-конференцию, где заявил: “Новое кино не для меня”. Как вы прокомментируете его заявление?

— Очень жаль, что такой замечательный актер, которого я очень люблю и уважаю (работая с ним, я испытывала огромное удовольствие), сделал подобное заявление. Но ему в принципе можно найти объяснение: сейчас кино очень изменилось по сравнению с восьмидесятыми годами — работать нужно быстрее, поменялись правила, стиль. Я снималась у режиссера нового поколения — у Фредерика Фонтена в “Порнографической связи”, и мне понравилось. На мой взгляд, очень интересно меняться вместе с теми изменениями, которые происходят в кино в общем. Может быть, Алену трудно смириться с тем, что он уже не столь влиятельная фигура в кино, как в 80-е годы, когда он считался просто королем. Я считаю, что его заявление — совсем правильное, и, честно говоря, надеюсь, что он изменит свое решение.

— Ваша героиня Анжела в фильме “Салон красоты “Венера” обращается к одному из своих мужчин: “Ты мало говоришь, и мне это нравится”. Вы согласны с ней?

Единственная пауза-замешательство за весь разговор:

— Я люблю мужчин, которые не боятся показать свою хрупкость, — я думаю, что такие мужчины на самом деле являются самыми крепкими. Среди мужчин есть ковбои, которые выпячивают грудь колесом, — но на самом деле они слабы... Еще я люблю смеяться, я очень люблю юмор и люблю страстных людей, независимо от того, в чем их страсть заключается.

— Последнее замечание касается и женщин?

— Да, конечно. Я вообще считаю, что смех — очень важная составляющая жизни, и, конечно, нельзя смеяться надо всем, но надо смеяться как можно чаще, поскольку это очень замечательно.

— В одном из своих интервью вы сказали, что вам интересно осваивать роли женщин, которые сами задают правила игры. Вам не хватало лидерства в жизни?

— Скорее фраза связана с ролями, которые я играла. Существует жизнь со своими правилами, и зачастую приходится адаптироваться — но я в принципе не считаю, что нужно так противопоставлять мужчину и женщину. Есть сферы, где мужчины устанавливают правила игры, есть — где женщины. И может получиться очень неприятно, если они перепутают свои роли.

— Вы сказали, вам интересно играть женщин, чья жизнь полярно отличается от вашей. Какова же ваша частная жизнь — расскажите немного о себе, о своей семье, о своих привычках.

— Скорее всего это большая удача, что моя профессия и личная жизнь в каком-то смысле связаны — по крайней мере одно не препятствует другому. Я живу одна — не замужем, у меня есть дочь, ей 18 лет, и в этом году она заканчивает среднюю школу. Я живу в Париже, но у меня есть дом и в центре Франции. Я очень люблю путешествовать. У меня много друзей — причем старые друзья, с которыми я поддерживаю отношения на протяжении многих лет. Что касается одежды, то во время съемок обязанность носить ту или иную одежду сильно достает, поэтому я предпочитаю более свободный стиль в обычной жизни, и вместе с тем я могу одеться и кокетливо, когда того требуют обстоятельства, когда нужно выйти в свет.

— Я не спросила про Москву...

— Город мне очень понравился, я дажешла его красивее, чем ожидала. Когда мы вечером вышли на Красную площадь, то мне показалось, что я попала в сказку. Шел снег, похожий на те шарики, как в таких прозрачных штучках (ну вы знаете, сувениры!), если их потреть, то в них идет сказочный снег. Мне так понравилось, что я постараюсь вернуться сюда как можно скорее.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.